



Окончание. Начало на 8-9 страницах.



Николай
ГОРДЕЕВ

Огненный камень

кам? Вот твои шестьсот фунтов. Фунты Шейлока, помноженные на сто. Их просил передать тебе Левиатано. Добрый малый, чтоб враги его плясали на его могиле и у них подломились ноги.

Шекспир театрально сцепляет руки:

— Что-то прогнило в любовном мне Глобусе. Проел его червь заимодавства. Столь же театрально заламывает руки над головой: но что с Эриилом? Что с Левиатано? Скажи, не мучь меня, добрый Натан?

Яглом сурово сдвигает брови:

— Узнаешь позже, призраки ты лицедейства. — Вдруг ласково смеется: — Но ты же вылитый дед на досуге, с любимым Зогаром, в нашем Литейном квартале, в гетто. Ты за добро чистым весом, а он стоял за праведные гири и весы. — Яглом поднимает сперва светлую бровь, потом темную. — Да обратит на тебя свой взор Бесконечный и заронит в твою душу Божественную искру мира. Кладет перед Шекспиром серебряный перстень с прозрачной сардониксовой печаткой — покачивающиеся весы. Приветливо машет рукой и уходит.

Шекспир кланяется ему вслед и растерянно смотрит на перстень:

— Да, всем нам надо лучше знать своих родителей.

Приближается меланхолический лондонский рассвет. Раздается глухой замогильный топот. Идут окровавленные и закопченные герои штурма дворца, похожие на изгнанных служителей пекла. Моряки гибнут под тяжестью своих мертвецов и винных паров — они залиты ромом по самые фальшборты. Среди них Серпентино и друзья Рептайла — изрядно подбитые, но неунывающие:

Серпентино:

— Шипят и ползают слухи, будто перебрасывают войска из Ирландии.

Его товарищ с голубыми усами:

— А король Джеймс удрал в родную Шотландию, и его перехватили на самой границе. Видать, проведаль, что людям осточертели налоги и шашни с испанцами.

Третий, одноглазый:

— Стокс передал весточку: нас ждут в порту на трехмачтовом “Левиафане”. Хватит беспутных сухопутных передраг. Руби швартовы.

Восходит солнце. Перед столом Шекспира появляется человек с бесконечно белозубой улыбкой. У него черно-белая борода колечками:

— Мир вам, синьор Гильельмо Шапиро. Приветствую вас наравне с Шемешем, то есть Фебом. Встает Шемеш — встает больной, как говорят дети Авраама. Не ошибусь, если вычислю, что сей алмазный лис Яглом опередил астролога Израэля Шемейи. — Борода взлетает вверх.

Шекспир:

— Мир и вам, почтенный звездовед. Вы и впрямь вхожи в дома планет, не чужды их роковым проказам, причастны к канонам акциденции?

— Я не чужаюсь их, они не чужаются меня, но, признаться, я больше люблю рассматривать любовные мне светила в увеличительную трубу, как Антон Левенгук своих зверюшек. Так они глядятся веселее и смазливее, чем на астрологических чертежах и гравюрах. Но пришел я не торговывать сомнительные гороскопы. Людям они не впору, как не шел ни один гороскоп московскому царю Дмитрию. А теперь на сцену выступает Иегуда бен-Меир, рекомый Левиатано.

Шекспир задыхается от театрального волнения:

— Лишен жизни? Ввержен во узилище? Не поймался ли Морской Змей на уду? — Ни то, ни другое, ни третье. Почти первое, можно сказать, второе и, безусловно, третье. С этим злодеем мудрецом поступлено как нельзя справедливо. Но читайте же, читайте. — Подает Шекспиру свернутый лист со следами порохового дыма и перевитый куском корабельного линя. Шекспир судорожно чешется и развешивает лист.

Слышится то глухой, то звонкий голос Рептайла:

“Вале амице — приветствую, друг!”

Услышьте глас морского Иова.” Можешь ли ты удою выта-

щить Левиафана и вервием увязать язык его? Учинит ли он договор с тобою и возьмешь ли ты его навсегда в рабы?” А вот ваш и ваша Ариэль поймала меня, проколов иголю и стала забавляться, как птичкой. Тщетна надежда на спасение. “Не умолчу о членах его (или ее), о силе и соразмерности. Когти цепкие, как рыболовные снасти!” Далось же вам внять моему трижды злокозненному навету. Поступил со мной Бог по делам моим и воздал мне по отроческому безумству. А ныне мой трехмачтовый “Левиафан” выходит в море, планеты собираются в доме бурь, но ни ладя, ни команда, ни кормчий не подвластны моему кормилу. Ныне всем заправляет Ариэль и страшает меня, что в Новом Свете я-таки увижу все в новом свете. Молитесь за меня, коли в вас есть сострадание, а я буду молиться по вере моих предков. Не страсти ли это по Глобусу? И не о нас ли писал божественный Шекспир:

Люблю любовью дня, любовью мглы.

Два чувства, как два духа мне даны:

Дух-ангел, чьи черты светлы,

Дух-женщина — ее черты темны.

А вдруг я наткнулся на философский камень, как божественно несравненный Шекспир, как чудесно одержимый Шекспир находит словесные трансмутации:

Межоблачный курсив — всевластный алеф-бейт.

Из многих знаков сложена записка.

И за чертой земли я вижу силуэт:

То прям, как нун-софит, то наклонился низко.

Преданье времени, пространство и светил,

Эпистолярный стиль предначертанья.

Я, кажется, прочел, но тот, кто возвестил,

Сродни лучу, созвездию и тайне.

У Шекспира дергается рука и тянется к затылку. Он ворчит про себя:

— Уж больно все пишут. Каков переворот перелома, разворот пролома! Воистину то была Проломеевская ночь.

Дождавшись прочтения письма Шемейи полнозубо улыбается:

— Неудобно ли еще письмо и кошелек — драгоценный и тяжелый, как камень.

Шекспир взвешивает кошелек на ладони, берет второе письмо. Слышится голос Эриила — он теперь тоньше и мягче: “Дорогой отец!”

Псылаю тебе христианские дукаты, оставшиеся мне от матери. Мне хватает Левиатано с его пиастрами и причудами. Мой крест — отвести от тебя сего Лукавого, различить со змеем змиемыслия. Я засела за иврит и так много узнала о своем имени. Эриил — Ариэль значит не только “дух четырех стихий”, но и ангел”. Темный или светлый? (Я больше не надену светлый парик, а мои черные кудри тебе не знакомы). И еще: Ариэль это Иерусалим. И, наконец, Ариэль — “жертвенник”. Не жертвую ли я собой ради отца? И я же возвращаюсь в лоно Израиля. Мы не встретимся больше ни в Новом Свете, ни на этом. Барух хаেম!

Да, ты был прав, казня вздорного ученика с его каллиграфическими стихами. Мой злодей Леватиано жалуется, что его по ночам свербит рифмикация, и уже начесал на темени опухоль. Того и гляди из пиитической заразы выйдет пиитическая Минерва в полном боевом наряде. Кое-что начинает выполнять, шипит и незаметно посвящается мне. Задиристое и забавное рукописание:

Отары звезд чисты и праведны колодцы.

Летучую звезду ловлю я на свирель.

Как рой светил, бегут навстречу овцы.

Они мне дали имя “Ариэль”.

Я жажду хлеба — от зари не ел.

Мой голод по вину нельзя назвать невинным.

С кувшином молока придет ко мне Рахель

И одолжит свирель, а я займусь кувшином.

И такой вот “Озверель” клянется, что был алхимиком! Клянется Кабалой, что был герметиком!

Твоя и не твоя Речел”.

Шекспир откидывается на спинку стула. Выражение лица непередаваемо ошарашенное:

— Ариэль — моя дочь? От Речел? Не много ли для одной ночи и для одного утра?

Да, от леди Смутных сонетов, простите, от Смуглой леди сонетов. Природное имя — Рахиль. Дочь адвоката, сбежавшего из Лиссабона. Выдавала себя за неунывающего юнца, не так ли? Ариэль — вся в мать со всеми ее маскарадами и белокурыми париками. Теперь она обрела женственность. А мужественности будет обучать избранника. В Америке их усердием отщесся десять пропавших колен Израилевых, Израэльдорато или просто новый Израиль. Родится новый дух и новая душа. Уж лучше бы Левиафан был Шамиром. Чтоб вы знали, маэстро, Шамир — червячок, служивший царю Соломону, а до Соломона — морскому духу. Клади его на скалу — появлялась рас-



селина, кидали туда семена — росли деревья и травы.

Шекспир темнеет от натуги:

— Что-то не припомню такого в самом ветхом из Заветов.

Шемейи улыбается с неизменным великодушием:

— И не припомните. Где же вам знать наши священные предания — Агаду. Пора бы вам, мар Шапиро, из вашей христианской Атлантики в наш Великий океан.

— Кладу голову на отсечение: бурею их выбросит на безвладный и безлюдный остров. Без податей, поборов и монарших раздач, и будут они пить эль Адама и Евы, соки плодов, трав и деревьев и освежаться яблоками, как Соломон и Суламифь. — Охваченный свежими художественными веяниями, он встает, уставляет на собеседника череп лысого спаниеля, выставляет брюшко.

— Но что нам делать со злом? Вникайте, Израэль?

Шемейи снова белозубо сияет:

— Давно вник, мар Шапиро, а наши мудрецы вникли куда раньше. Чего греха таить? Зло вездесущее, таилось в Предсущем и сущий яд в душе человека, но яд живящий. Зло — путь к добру, если не обходиться с ним карательно. Возлюбите пчел и гадов ядовитых. Через всякую тварь Бесконечный творит свою волю. Добрый дух Азурвель учит мягчить справедливость милосердием. Милуйте злодейство, и оно ляжет у вашего порога, не заходя в дом. И пропустит в него добро. Шемейи поднимает приветственно руку в жесте всех времен и народов и исчезает в жизненной мгле.

Шекспир остается за považавшим виды столом, писательский зуд свербит ему затылок. Из небывалой беседы рождается непредсказуемый замысел “Бури”.

Порт. Торжествует утро. Зрелое возмужавшее утро после “Проломеевской ночи”. Отчаливает трехмачтовый “Левиафан” под британским флагом.

На палубе радостная суматоха. Смеется Ариэль в костюме знатной дамы, не может сдержать улыбку Левиатано, разоде-тый в пух и прах и уже прозванный “Вертопрахом”. Пират с голубыми усами и его одноглазый коллега посмеиваются над метаморфозами Левиафана, и Эриила, вернее, Ариэль.

В стороне без улыбки стоит одинокий Серпентино, напевая грустную песню на страстном языке сефардов. Черный платок скитальца многозначительно развевается; как флаг.

На набережную выбегают стражники с алебардами. С грохотом подъезжает карета. Из нее выскакивает растрепанная леди Уайпер. И грозит кулаком Левиатано, словно брошенная жена. Одноглазый пират обращается к Левиатано:

— Сэр Рептайл, разве сия удрученная леди не ваша вероломная хозяйка?

Левиатано испуганно косится на Ариэль. Одноглазый посылает леди Уайпер воздушный поцелуй.

Дама переводит дух и остывает, шипя:

— Я знаю: эти висельники плывут в Новый Амстердам. Всегда одно и то же.

Стражники хватают и уводят ее к восторгу отплывающих на “Левиафане”.

Таверна “Лесной Разбойник”. Хмурый Б.Хаммет снова и снова обводит сокрушенным взором столы — многих нет. Сложили головы в ночном бою. (Недаром встретились Левиафан и Бегемот). Зато есть новые лица: офицеры королевской гвардии, ищейки Звездной палаты. Служанка уже берет их в оборот, заливая фирменным элем.

Мастер Вилл напоминает:

— Что бы еще мог сказать многострадальный Иов? Поэт поэтов! Мудрец мудрецов! Эврика! Финальный аккорд:

“Разумеешь ли равновесие облаков, чудное дело совершеннейшего в знании?” — Да, разумею ли? — Сравниваю, равняю, делаю тяжелое легким и легкое тяжелым? — срывается с места, подходит к окну. Смотрит в зимнюю даль. Блещут и морщатся волны Темзы под холодными испарениями. Светит январское солнце между облаками. Шекспир почти шепчет:

— Разумею ли я равновесие облаков? Гармонию Ариэль и Левиафана?